

Индивидуальные ресурсы профилактики аддиктивного поведения учащихся

Н.Б. Флорова

*старший научный сотрудник лаборатории «Медико-психологическая реабилитация»,
ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия,
ninaflorova@yandex.ru*

Расширение знания о психологии аддиктивности подростков позволяет разрабатывать инновационные стратегии и расставлять новые акценты в профилактической деятельности среди учащихся. Усиливается тренд индивидуальной профилактической работы, дифференцированной для разных возрастов и этапов образовательного процесса. Она наиболее актуальна для группы риска вовлечения — это учащиеся, меняющие жизненную среду, то есть студенты первого семестра обучения в колледжах. Приведен обзор концепций индивидуальной профилактики вовлечения, прежде всего — в алкоголизацию, базирующихся на оздоровлении духовной сферы, психологическом благополучии, возрастном духовном потенциале. На примере концепций когнитивных рисков и поведенческих стратегий отказа показана их потенциальная эффективность в структуре мониторинга зависимости подростков.

Ключевые слова: аддиктивное поведение, стратегии профилактики, духовное здоровье, индивидуальные риски, когнитивная сфера, отказ, вовлечение.

Поиск новых инструментов профилактики аддиктивного поведения в образовательной среде продолжает оставаться актуальной проблемой в сфере психологии детского, подросткового и юношеского возраста.

Профилактическое пространство сферы образования сегодня активно перерабатывает и адаптирует научное знание о психологических механизмах формирования аддиктивности, например, материалы о профилактической функции благополучия, привязанности, идентичности, зрелости, саморегуляции, эмоционального самоконтроля, радости, счастья, духовности. Совокупность эмпирических данных позволяет выявить тончайшие психологические

механизмы формирования безопасной привязанности, показать значение радости и любви как основы здоровых взаимоотношений, внутреннего ресурса устойчивости, защитного регуляторного механизма в ситуациях риска развития аддиктивности [9].

Современный инструментарий и аналитический аппарат позволяют углублять «рутинные» исследования алкоголизации и наркотизации учащихся и выходить на новые механизмы профилактики. Как следствие, значительно расширилось профилактическое пространство образовательной среды за счет расширения знаний об индивидуальных психологических ресурсах учащегося и их профилактических функциях.

Активно формируется профилактическое пространство нового поколения с новым пониманием специфики превентивной работы с разными возрастными группами в разных типах образовательных учреждений. Уровень этого понимания отражен в объеме образовательных антиаддиктивных профилактических продуктов (программ и поддерживающих грантов) в структуре государственных реестров; так, в образовательном государственном реестре США 2011—2012 гг. «Guide to US Department of Education Programs» [5] превентивных антинаркотических продуктов психологического сопровождения (тьюторских) насчитывается более десяти; они приведены в табл. 1. Как видно, категории риска в ряде программ стали ключевыми, а началь-

ные и средние общеобразовательные школы, равно как и колледжи и высшая школа, выведены в самостоятельные группы образовательных учреждений.

В основе образовательных превентивных продуктов лежат принципы безопасности образовательной среды. Они подразумевают, что каждый участник образовательного процесса на всем его протяжении имеет право на обеспечение индивидуальной соматической и психологической безопасности внутри образовательного пространства; качество этого пространства должно быть прогнозируемо и контролируемо. Только в этих условиях возможно достичь эффективности и продуктивности обучения и воспитания, начиная с дошкольного возраста и вплоть до получения профессионального образования.

Таблица 1

Антинаркотические образовательные продукты в структуре государственного образовательного реестра США (2012) [5]

№ п/п	Наименование образовательного продукта	Электронный адрес образовательного продукта согласно реестру
1	Building State Capacity for Preventing Youth Substance Use and Violence	[http://www.ed.gov/programs/sbir/index.html]
2	Elementary and Secondary School Counseling Programs	[http://www.ed.gov/programs/thechallenge/index.htm]
3	Emergency Management for Higher Education	[http://www.ed.gov/programs/elseccounseling/index.html]
4	Grants for Coalitions to Prevent and Reduce Alcohol Abuse at Institutions of Higher Education	[http://www.ed.gov/programs/stopact/index.html]
5	Grants for School-Based Student Drug-Testing	[http://www.ed.gov/programs/drugtesting/index.html]
6	Grants to Prevent High-Risk Drinking or Violent Behavior Among College Students	[http://www.ed.gov/programs/dvphighrisk/index.html]
7	Grants to Reduce Alcohol Abuse	[http://www.ed.gov/programs/dvpalcoholabuse/index.html]
8	Models of Exemplary, Effective, and Promising Alcohol or Other Drug Abuse Prevention Programs on College Campuses	[http://www.ed.gov/programs/dvpcollege/index.html]
9	Safe and Supportive Schools	[http://www.ed.gov/programs/safesupportiveschools/index.html]
10	Safe Schools/Healthy Students	[http://www.ed.gov/programs/dvpsafeschools/index.html]

С течением времени эти позиции приобрели более конкретное звучание и актуальность. Стало понятно, что отсутствие психологически безопасной образовательной среды во многом ответственно за развитие социофобий, когда из образовательных учреждений и семьи молодежь выходит в жизнь с неадекватной самооценкой и отсутствием навыков самоупорядоченности, самоэффективности и ответственности. Так, по совместно полученным данным социальных психологов *Lusia Stopa, Mike A. Brown, Michelle A. Luke, Colette R. Hirsch* (университет Саутгемптон, Лондон и Западноавстралийский университет) [2], часть молодежи, достигшей 18 лет, боится серьезно проявить себя, не имея сформированной ранее позитивной самооценки, а также зависит от негативной оценки окружающих и страдает от социальной тревожности. В аналогичном исследовании способности девочек адаптироваться к обучению в колледже как к переходному периоду жизни *Richard Koestner, Genevieve Taylor, Gaetan F. Losier, Laura Fichman* (университет Монктон, Канада) подчеркнули низкий уровень научного знания об индивидуальных механизмах эмоциональной адаптации к образовательному процессу, формировании саморегуляции и развитии депрессивной симптоматики в ситуации низкой академической успеваемости и показали, насколько важно для учащихся считать пребывание в учебном заведении важнейшим этапом жизни и средством достижения жизненных целей [17]. Эта публикация перекликается с результатами сотрудников университета Winston-Salem (США) *Cynthia K. Suerken, Beth A.*

Reboussin, Erin L. Sutfin, Kimberly G. Wagoner, John Spangler, Mark Wolfson, показавшими, что на фоне регулярного посещения церкви (42 %) треть числа первокурсниц к поступлению имеют опыт табакокурения, 87,7 % — опыт употребления алкоголя, и лишь 7,7—11,2 % интересуются соответственно общественно полезной деятельностью и спортом [14].

Как показывает практика, результаты таких исследований уже приняты как руководство к действию в системе общего и профессионального образования многих стран мира. В частности, психологи университета Сан-Франциско и специалисты Департамента эпидемиологии и онкологического научного центра *Lawrence W. Green, Judith M. Ottoson, Cesar Garcia, Robert A. Hiatt* подчеркивают неизбежность формирования и необходимость поддержания и развития тренда индивидуальной личностной обращенности профилактических программ, их ориентированности на трансформацию некорректных поведенческих паттернов [3]. Такие программы, как правило, построены на доказательной базе данных по влиянию ровесников и других первичных групп на мнение, привычки, поведение индивида и отражают тенденцию укрепления направляющей дружественной функции тьюторов в межличностных сетях со здоровым взаимодействием.

Огромное значение зарубежная психология аддиктивного поведения придает профилактике благополучия детского и подросткового возраста.

Аспект индивидуальной профилактики и синергизма профилактической деятельности четко выражен в социально-значимом документе 2010 года «Концеп-

ция благополучия», созданной Рабочей группой Университета Бата в Великобритании по благополучию в развивающихся странах — Wellbeing in Developing Countries Research Group (WED). Концепция, составленная Сарой Уайт (*Sarah C. White*), дает определение качества благополучия на двух уровнях — индивидуальном (гармоничность разумного, соматического и психического и создание базовой личностно-ориентированной системы предикторов, приоритетов, стратегий, факторов влияния) и общественном (система более высокого уровня понятий «качества жизни», «субъективного благополучия», «жизненного успеха», социальных индикаторов, «экономики счастья» и др.) [19].

Указав, что «...*благополучие удивительным образом отсутствует в дебатах на тему развития общества и индивида*», Концепция научно обосновала фундаментальную роль воспитания и образования в обеспечении благополучия семьи и общества. Появился постулат, что благополучие должно быть выстроено в двух подпространствах — базовом локальном, относящемся к экологии индивидуальной жизненной среды, и более высоком культурном, присущем социуму. Оба этих подпространства регулируются и управляются социальными институтами — образованием, здравоохранением, юстицией, культурой.

Отчетливо прослеживается активное продвижение в сферу образования сравнительно нового тренда научных исследований в области профилактики аддиктивного поведения — сопряжение благополучия с религиозностью, верой и духовностью.

Транснациональное исследование, проведенное психологами различных

университетов Австрии, Австралии, Великобритании на выборке взрослых пациентов (30 лет), показало, что психологическое благополучие как показатель сформированности религиозно-духовной сферы играет ключевую роль в развитии и течении аддиктивных расстройств, а также в выздоровлении от них. Применение специализированного многофакторного опросника Multidimensional Inventory for Religious/Spiritual Well-Being (MI-RSWB) выявило достоверное снижение параметров RSWB (религиозность, умение прощать, умение выделять главное и здравый смысл, добросовестность, открытость, готовность к взаимодействию, позитивные копинг-стратегии поиска смыслов, чувство сопричастности) у наркозависимых по сравнению с испытуемыми контрольной группы.

Авторы *Human-Friedrich Unterrainer, Andrew Lewis, Joanna Collicutt, Andreas Fink* полагают, что программы терапевтического вмешательства, ориентированные на формирование позитивного и конструктивного личностного каркаса, аналогично тому, как выполняет эту задачу религиозно/духовное воспитание, могут содействовать лечению аддиктивных расстройств [15].

Следовательно, профилактика аддиктивности должна начинаться с детского возраста и ориентироваться в том числе на воспитание духовной сферы, возрождая и обновляя исторические традиции духовно-нравственного воспитания.

Концепция духовного потенциала детства (*The spiritual potential of childhood*) специалиста университета Бристоль (Великобритания) Урсулы Кинг (*Ursula King*), опубликованная в 2013 г.,

постулирует, что педагоги, социальные работники, школьные психологи должны знать духовный мир учащихся, а образование призвано раскрывать духовный потенциал каждого ребенка и подростка. У. Кинг пишет: «...Пробуждение духовного потенциала и перевод его в активную форму применительно к условиям жизни остается пробелом в нашем современном обществе... Наше индивидуальное развитие с рождения до смерти... связано с постепенным подключением потенциала, который мы несем в себе и большую часть которого мы так никогда и не раскрываем, так что пробуждение нашей души и ее развитие остаются нереализованными, и чаще душа остается полностью неразвитой и неподготовленной к ощущению полноты жизни» [7].

Основное положение «Концепции духовного потенциала» Урсулы Кинг — роль постепенного, поэтапного формирования духовной грамотности как ресурса пожизненной защиты и инструмента социализации: «...Чтобы дорастить детский духовный потенциал до сознательного, требуется адекватное обучение, с раннего детства и далее, через неформальные и формальное образование. Нам необходимо разработать и развить концепцию духовной грамотности. Я имею в виду ту грамотность, что выходит далеко за рамки навыков чтения и письма и различных программ повышения квалификации. Она выходит за рамки эмоциональной и этической грамотности и находится в гораздо более глубоком измерении проникательности и мудрости сердца и разума; это помогает развивать чувства сострадания и любви... Духовная грамотность не просто должна развиваться, она должна поощряться, расти и процветать дома, в школах и колледжах, фор-

мируя восприятие жизни во всей ее полноте, с открытостью, доверием, интересом к жизни, поиском новых ресурсов в себе и их реализацией».

Ключевой момент концепции У. Кинг — ее представление о роли духовности: «...духовность — не только сила для выживания, но и сила для изменения», то есть представление о духовной борьбе как явлении, формирующем личность через трудности существования.....это борьба с глубочайшими вещами внутри себя».

Такие ключевые идеи, которыми изобилует исследование У. Кинг, автор назвала пневматофорами, или преобразующими, расширяющими права и возможности (по аналогии с терминами экологии растений, описывающими питание посредством воздушных корней). Благополучие, здоровые взаимоотношения, здоровый образ жизни являются такими пневматофорами. Также сюда могут быть отнесены межпоколенные культурные и социологические этнографические традиции.

Упомянутые выше процессы духовной борьбы детально рассматриваются в методологической разработке широкоизвестного американского психолога Кеннета Айры Паргамента (Kenneth Aira Pargament) (университет Bowling Green State штата Огайо) [12]. Эта авторская концепция построена на трактовке духовности как характерной мотивации и особого поискового процесса, в течение жизни меняющего направленность. Автор предложил модель этого поиска, в которой последовательно участвуют три формы деятельности — раскрытие, сохранение и преобразование. Можно попытаться представить себе взаимосвязь таких форм (табл. 2).

Смысловое наполнение социокультурного контекста формирования духовности, по материалам статьи Kenneth I. Pargament (2013) [12]

Этап последовательного процесса поиска духовности	Подключение негативных факторов извне	Продукт воздействия факторов
1. Раскрытие		
2. Сохранение		
3. Копинг-стратегии сохранения духовности		
4. Духовная борьба	Угрозы, нарушения, утраты	Духовное раскрепощение, обретение духовной свободы, духовный рост
5. Копинг-стратегии духовной трансформации		

Видно, что непрерывность процесса формирования духовности обеспечивается обратной связью этапов духовной свободы и раскрытия, духовной трансформации и сохранения. Уязвимая стадия для воздействия негативных факторов, сопровождающих духовную борьбу, — сохранение и выработка стратегий копинга (между этапами 2 и 3 и между этапами 3 и 4). Альтернативным конечным результатом поиска могут быть духовная деградация и «снижение» личности.

Первый этап раскрытия автор описывает как выбор приоритетной, жизненно важной для индивида конечной цели или объекта с сакральным значением: игрушка, образование, качество окружающей природной среды, здоровье, создание семьи и т. д. Иными словами, это круг духовных устремлений. На них в дальнейшем ориентирована внутренняя

работа. То есть сформулировав для себя ориентир, человек приобретает мотивацию к его достижению.

Второй этап сохранения автор наполняет различного вида духовными усилиями — это духовная практика, духовное знание, духовные отношения. На этом этапе значительно повышаются шансы оздоровления, поскольку с изменением отношения к жизни меняется ее качество; многочисленными исследованиями сегодня доказано, что неснижаемая мотивация духовного развития способствует духовному преодолению (копингу) жизненно важных переходов и кризисов, ситуаций риска. Духовный копинг, как считают многие специалисты и прежде всего сам К.А. Паргамент, добавляет дополнительные шансы на успех, укрепляя способность человека справляться с рисками. В ранних работах Паргамента было показано, что духовные методы пре-

одоления носят особый характер, а их ресурсы однозначно адаптированы к решению проблем человека. Они способны оказать поддержку даже в случаях, когда других ресурсов поддержки нет. Как пишет Паргамент, они «...дают объяснения, когда жизнь непонятна, и дают чувство владения ситуацией, когда кажется, что мир вышел из-под контроля. Они... помогают людям сохранить свои отношения с их индивидуальным сакральным объектом».

Результативная духовная борьба приводит к третьему этапу — преобразованию или глубокой внутренней духовной трансформации.

Таким образом, духовная борьба предстает перед исследователем как динамический процесс, длящийся всю жизнь, исполняющий профилактическую функцию сохранения и укрепления здоровья и благополучия.

Однако этот вопрос еще не настолько тщательно изучен, чтобы можно было делать однозначные выводы. Есть и противоположное мнение о негативных последствиях длительной духовной борьбы, прежде всего — в подростковом возрасте, чреватом многими поведенческими рисками.

Профессор К.А. Паргамент допускает возможность негативных последствий духовной борьбы в профилактической деятельности. В 2005—2006 годах совместно с сотрудниками он выдвинул рабочую гипотезу ассоциированности духовной борьбы со сниженной психологической приспособляемостью к стрессу, снижением способности регулировать реакцию на стресс (психологическим дистрессом), с повышенным общим уровнем психопатологической симптоматики.

В 2013 году возглавляемая К. Паргаментом международная исследовательская группа *Carol Ann Faigin, Kenneth I. Pargament, Hisham Abu-Raiyac* опубликовала результаты пилотного исследования духовной борьбы как фактора риска формирования аддиктивности в колледжах [4]. В состав группы вошла Кэрол Энн Фейгин, лауреат премии фонда Джона Темплтона 2009 г. за разработку национального проекта по выявлению взаимосвязи духовной борьбы и употребления психоактивных веществ в студенческой среде, эксперт профилактической программы формирования жизненной устойчивости среди молодых военнослужащих *U.S. Army's Comprehensive Soldier Fitness Program: Spiritual Resilience Initiative*, психолог университета Мэн штата Огайо (США).

Исследовательская группа разработала собственный инструментальный анонимного опроса первокурсников колледжей — модификацию опросника *Negative Religious Coping Scale* с тремя субшкалами — *Divine, Interpersonal, Intrapsychic*, а также корреляционную матрицу соответствия ответов с симптоматикой аддиктивного поведения, рассчитанную для двух точек сбора данных с промежутком в пять недель.

Проведенное исследование подтвердило рабочую гипотезу и впервые выявило специфичность защитной функции духовной борьбы для социальных групп подростков и молодежи, находящихся на разных этапах и на разных уровнях образовательного процесса. Оно доказательно продемонстрировало, что вопреки широко распространенному мнению о защитной роли духовной борьбы, учащиеся первого года обучения еще не обладают достаточно

устойчивыми душевными (духовными) ресурсами.

Согласно формулировке авторов, начало обучения в колледже характеризуется состоянием духовной модуляции (переходным периодом духовного развития). С другой стороны, он чрезвычайно важен для индивидуального самораскрытия.

Исследовательская группа полагала, что в среде первокурсников колледжей резко повышен риск формирования аддиктивности в силу того, что учащиеся, пережившие смену школьного окружения, оказываются в ситуациях душевного напряжения и конфликтов, не всегда умея с ними справиться. Таких учащихся, чувствующих себя подверженными духовной борьбе, по данным разных авторов, насчитывается до половины численности первокурсников, притом что большинство учащихся (79 %) считают себя верующими. Аддиктивный тип поведения становится в колледже одной из форм общения внутри небольших групп, изолирующихся одна от другой по типу зависимости (физические упражнения, секс, вечеринки с наркотиками и др).

По мнению авторов, «...духовные установки и ценности часто представляют собой ресурсы взаимодействия с другими людьми. Из этого следует, что лица с духовной жизнью могут относиться к ней как к главной части своей жизни. Те же, кто оказывает сопротивление возникающим в душе вопросам, оказывается в состоянии духовного вакуума, ищут новые формы смыслов и значений, в том числе разрушительные, такие как наркопотребление, как способ избежать «душевных мук» и страданий, служащих тому, чтобы заполнить этот вакуум... И наоборот, для лиц с более сильной и более

стабильной духовной жизнью высшие силы и их власть становятся организующей силой, тем, что ведет и направляет их в конструктивных решениях. Другие источники смыслов и значений могут оказаться не столь значимыми. Поэтому лица, не подверженные духовной борьбе, менее подвержены риску аддиктивности».

В этом исследовании было показано, что четыре формы аддиктивности, — интернет-зависимость, гемблинг, переедание, алкоголизация, не связаны причинно-следственными связями с духовной борьбой. Авторы считают, что это объясняется социальной приемлемостью таких форм поведения в колледжах.

Кроме того, авторы выявили границу формирования паттернов алкоголизации среди учащихся — конец второго семестра (перед переходом на второй курс), и соответственно установили границы требуемой плотной профилактической работы с учащимися: с момента поступления и на протяжении всего первого учебного года.

В период 2003—2010 гг. разные авторы подтвердили, что в среде учащихся колледжа духовная борьба действительно приобретает гораздо более острые формы, чем в среде взрослых людей.

При поступлении в колледж подростки уже имеют некоторый жизненный опыт утрат и завоеваний, которые сопровождаются эмоциональным напряжением: при отъезде из дома, снижении родственных и дружеских контактов, утрате близких людей, смене окружения и в других обстоятельствах.

Эти данные послужили основой пилотного исследования, проведенного в выборке учащихся младших курсов колледжей *Jennifer H. Wortmann, Crystal L.*

Park, Donald Edmondson — специалистами Центра кардиоваскулярных проблем поведения (Колумбийский университет) и психологами Университета Коннектикут [20]. В эксперименте участвовали преимущественно первокурсники колледжей среднего возраста 18,7 лет, заполнявшие анонимные опросники. Для сбора информации и обработки данных шкалирования был создан специальный сайт. Оценивались параметры духовной борьбы и духовного комфорта (соответственно по модифицированным шкалам *Religious Strain Scale* и *JJ Exline*), а также посттравматическая симптоматика по *Impact of Events Scale-Revised*.

Оказалось, что действительно существует двунаправленная взаимосвязь духовной борьбы с негативными (симптомы посттравматического стресса и депрессии) и позитивными (стимулированные стрессом личностное развитие и жизненная успешность) показателями приспособленности учащихся к изменившейся жизненной среде. В ситуации долговременного психологического стресса создаются ресурсы личностного роста и повышения самооценки и в то же время могут развиваться симптомы посттравматического стрессового расстройства.

Было также установлено, что учащиеся, исповедующие католицизм, более уязвимы и менее устойчивы к состоянию посттравматического стресса и духовной борьбы по сравнению с исповедующими иную религию (протестантизм); авторы объяснили это наблюдение повышенной восприимчивостью католиков к стрессовым факторам и тем, что католическое вероисповедание в большей степени ориентировано на вину перед Всевышним и страх наказания.

Авторы пришли к выводу, что при сочетании высокого уровня негатива и низкого уровня позитива в переживании духовная борьба действительно оказывает разрушающее воздействие в среде учащихся, принадлежащих к определенной конфессии. Такие учащиеся выделены авторами в группу риска психологического дискомфорта и вторичной профилактики устойчивости. Авторы полагают: для разработки стратегии профилактического вмешательства, ориентированного на укрепление устойчивости к стрессам, необходимо учитывать, что важен не тип потери или иного стресса, а тип реакции и смысл, вкладываемый в переживание.

Для более уверенных суждений о легитимности таких наблюдений необходимы дальнейшие расширенные исследования психологического и богословского контекста проблемы, тем более что выборка в приведенном выше исследовании составила всего 140 учащихся.

Можно рассмотреть это исследование с позиций профилактики просоциального (ориентированного на позитивное межличностное взаимодействие) поведения посредством воспитания духовности в подростковом возрасте. В таком случае несмотря на недостаточный объем данных, оно подтверждает общее представление о явной или неявной просоциальной функции духовности. С этим представлением тесно переплетается понимание регулирующей функции веры.

Так, в 2011 году психологи университета Британской Колумбии (Канада) и университета Орегон (США) *Azim F. Shariff* и *Ara Norenzayan* опубликовали результаты своего исследования, проведенного среди студентов 18—22 лет. На

примере профилактики обмана они показали, что страх наказания свыше (о котором уже упоминалось) действительно может сдерживать асоциальное поведение и способствовать поведению кооперативному, для которого характерны отказ от конфликта, компромисс и объединение усилий для достижения целей с наименьшими потерями [18]. Авторы выдвинули концепцию причинно-следственной связи асоциального поведения не столько с уровнем веры, сколько с тем или иным качеством Всевышнего по отношению к себе (табл. 3).

Тем самым авторы поддержали концепцию *Джонсона и Крюгера* (Johnson D.D., Kruger O., 2004) о существовании «агентов сверхъестественного наказания» — посредников снижения поведения, отклоняющегося от социально-приемлемых норм. Для нас представляет интерес ключевое положение этой концепции — «...в условиях искушения именно карающие аспекты божествен-

ного начала, гораздо в большей степени, нежели какие-либо элементы любви и сострадания, могут удержать от нарушения этической границы в обществе». Иначе говоря, авторы считают, что риск обмана (мошенничества или любого иного неодобряемого поведения, включая аддиктивное) может быть снижен страхом наказания («палкой») эффективнее, нежели обещанием награды («морковкой»). Авторы соглашаются, что их позиция требует более отчетливой и глубокой доказательной базы.

Таким образом, профилактический ресурс духовной борьбы каждого учащегося должен оцениваться и использоваться в общем контексте профилактики взвешенно, в зависимости от возраста, ряда личностных параметров и уровня психологической зрелости (устойчивости). В связи с этим задача индивидуальной профилактической работы со вновь поступившими и продолжающими обучение ложится на штатных

Таблица 3

Нулевая корреляция поведенческого стиля по типу обмана (мошенничества) и качеств Всевышнего по шкале Views of God*, по данным A.F. Shariff, A. Norenzayan, 2011 [18]

Качество Всевышнего	Коэффициент корреляции, +/-
Прощающий	+ 0, 33
Любящий	+ 0, 28
Сострадающий	+ 0, 32
Заботливый	+ 0, 38
Добрый	+ 0, 37
Дружелюбный	+ 0, 33
Миролюбивый	+ 0, 33
Карающий	- 0, 22
Мстительный	- 0, 37
Строгий	- 0, 43
Грозный	- 0, 25
Ужасающийся	- 0, 49

* Негативные коэффициенты корреляции соответствуют снижению поведения обмана (оптимизации поведения).

психологов образовательных учреждений. Эти специалисты должны владеть набором инструментов профилактики, в том числе выявления факторов риска вовлечения в аддиктивность. Комплексные опросники по проблеме вовлечения должны, в свою очередь, актуализировать новейшие научные данные в этой области знаний.

Как видно из изложенного материала, алкоголизация учащихся представляет собой гораздо более сложную и специфичную проблему, чем представлялось до недавнего времени. Это явление образовательной среды не теряет своей актуальности, как следует из объема научных исследований.

С начала 2000-х годов факторы риска алкоголизации подростков и молодежи выделяются в самостоятельный исследовательский тренд. Среди таких целенаправленных исследований выделяется исследовательская группа национального Центра исследования проблем наркотизации и алкоголизации университета Нового Южного Уэльса (Австралия) под руководством доктора Николь Ньютон (*Nicola Clare Alice Newton*), автора пакета web-программ профилактики подросткового алкоголизма в школах CLIMATE Schools.

Этой исследовательской группе принадлежит приоритет в разработке более точных инструментов оценки эффективности мер профилактики ранней алкоголизации в образовательных учреждениях. Так, в последние годы (2012—2014) опубликованы две программные работы, описывающие когнитивные составляющие алкоголизации в возрастной группе 12—15 лет [11; 16]. В первой публикации *N.C. Newton, E.L. Barrett, L. Swaffeld, M. Teesson* сообщили, что им удалось зафиксиро-

вать наличие ассоциативных связей ранней эпизодической алкоголизации и дебюта курения марихуаны с индивидуальными психологическими факторами риска вовлечения — двойственностью морали (допущение двойных стандартов поведения для себя вопреки социально-приемлемым нормам, отключение механизма самокритики) и слабостью системы саморегуляции (самоконтроля). Это позволило авторам выдвинуть рабочую гипотезу о возможности ранней профилактики вовлечения в алкоголизацию через изменение мышления.

Попутно следует сказать, что в момент разработки данной гипотезы она нашла подтверждение в исследованиях 2012—2013 гг. других авторов из университетов США: университета Техас — *Joseph Tomaka, Rebecca Palacios, Stormy Morales-Monks, Sharon E. Thompson Davis* [1] и центра исследования проблем алкогольных аддикций частного университета *Brown — Jennifer E. Merrill, Jennifer P. Read, Nancy P. Barnett* [8]. Независимо друг от друга эти специалисты продемонстрировали динамику ответа на вмешательство в когнитивную сферу — уже через 60 минут после начала работы с учащимися у них начиналась трансформация стилей подросткового мышления, управляющего употреблением алкоголя.

Как первичные данные, так и полученные впоследствии группой *N. Newton (N.C. Newton, A. Harvard, M. Teesson)* легли в основу концепции когнитивных рисков формирования аддикции у учащихся 13 лет.

Концепция когнитивных рисков базируется на изменчивости когнитивной сферы и на том, что среди факторов риска подростковой алкоголизации есть группа наиболее пластичных, наиболее

поддающихся корректировке и требующих первоочередного внимания. Этим требованиям удовлетворяют три когнитивные составляющие: ожидания, связанные с алкоголем *alcohol expectance* (AE); расщепление морали *moral disengagement* (MD); эффективность противостояния прессингу со стороны сверстников *perceived self-efficacy to resist peer pressure* (PSE).

В период разработки концепции оптимальный возраст применения данного вмешательства был определен предварительным научным поиском данных о возрастной динамике каждого из трех когнитивных факторов риска. Наибольший интерес практически у всех исследователей вызывает фактор MD, что вполне объяснимо значением этого фактора в системе морального внутреннего самоконтроля. Утрата такого контроля ведет к искажению поведения, сокрытию его истинных мотивов, пренебрежению к его вредоносным последствиям, очернению окружающих и другим проявлениям ненормативного мышления.

Так, междисциплинарная группа специалистов трех американских университетов: *Elizabeth P. Schulman*, *Elizabeth Cauffman* (университет Калифорния), *Alex R. Piquero* (университет Техас) и *Jeffrey Fagan* (университет Колумбия) работала в 2011 г. с выборкой несовершеннолетних правонарушителей 14–17 лет, изучая взаимосвязь фактора MD с эмоциональной недостаточностью подростков, их грубостью, черствостью, бессердечием. Авторы отметили, что высокие значения MD означают состояние эмоционального дефицита и неспособность почувствовать, что поведение наносит вред окружающим. Было установлено, что влияние MD на преступность на-

много выше (на 70 %), нежели влияние преступности на MD. Авторы полагают, что MD является единственным возрастным параметром раннего и среднего подросткового возраста, который может быть предиктором склонности к совершению правонарушений. По мнению авторов, по мере взросления уровень MD снижается и нивелируется в возрасте 20 лет. Однако авторы предупреждают, что на жизненном этапе с 14 до 20 лет сохраняется активность неких латентных вредоносных поведенческих паттернов — стили неразобцаемые, просроченные, снижающиеся с запозданием, хронически выключенные, неоднократно «всплывающие» по всей траектории этого возрастного периода [10].

Аналогично, *Stefano Passini* (университет Болонья, Италия) на выборке учащихся технического колледжа среднего возраста 16,7 лет в 2012 г. изучал динамику MD как фактора делинквентности. Оказалось, что MD действительно ассоциирован с употреблением тяжелых наркотиков и склонностью к совершению насильственных преступлений (алкоголизация не исследовалась автором) [13].

Исследовательская группа N. Newton с колл. в 2012 г. с помощью собственного оценочного инструмента для работы с MD установила, что этот параметр ассоциирован с алкоголизацией и, более того, является предиктором вовлечения в употребление алкоголя как в раннем, так и в старшем подростковом возрасте [16].

Параметр MD исследовался этими авторами в совокупности с двумя другими, упомянутыми выше (AE и PSE). Применение мультивариативного анализа и составление корреляционной матрицы показало, что MD и AE независимо друг от друга ассоциированы с употреблением алкоголя в

течение времени; повышение MD на один балл ассоциировано с повышением оценочных баллов алкоголизации на 2 %, тогда как повышение AE на один балл ассоциировано с повышением оценочных баллов алкоголизации на 18 % за период исследования длительностью 18 месяцев. В отношении параметра PSE таких ассоциативных связей выявлено не было (табл. 4).

Авторы полагают, что более высокие относительные значения MD соответствуют более позитивной AE, а снижение относительных значений PSE коррелирует с вовлечением в эпизодическое употребление алкоголя (на мероприятиях с алкоголем) в течение лонгитюда. Тем самым авторы предлагают ввести в арсенал инструментов мониторинга три фактора психологического риска вовлечения, динамику которых сравнительно легко отслеживать.

Налицо стремительное нарастание объема эмпирического материала, обогащающего инструментарий мониторинга вовлечения. Так, межуниверситетская исследовательская группа *Hye Jeong Choi, Michael L. Hecht* (университет Пенсильвания), *Janice L. Krieger* (университет Огайо) [6] исследовала комплекс психологических стратегий отказа от употреб-

ления — так называемый REAL (refuse, explain, avoid, leave) в выборке 12-летних учащихся сельских школ. Оценивалась эффективность двух компонентов стратегии отказа — эффективности отклика (RE) и самооффективности (SE).

Авторы предположили, что в ситуации психологического давления на подростка со стороны предлагающих наркотик или алкоголь эти стратегии могут работать с разной эффективностью.

Рабочая гипотеза авторов основана на том, что индивид мотивирован контролировать угрожающую ему опасность, если он обладает определенным ресурсом действенного противостояния. Этот ресурс авторы определяют как предикторный трехфакторный комплекс, включающий фактор эффективности отказа *refusal efficacy* (RE), фактор эффективности противостояния при попытках вовлечения в алкоголизацию (ASE), фактор эффективности противостояния при попытках вовлечения в курение марихуаны (MSE). Хотя считается, что молодежь использует сходные поведенческие стратегии отказа в ситуациях навязывания какого бы то ни было психотропного вещества, авторы разоб-

Таблица 4

Динамика оценочных баллов параметров моральной двойственности (MD), ожиданий от употребления алкоголя (AE) и устойчивости к прессингу (PSE) за период лонгитюдного исследования 18 месяцев в алкогольных поведенческих паттернах эпизодического и постоянного употребления, по данным N.C. Newton, E.L. Barrett, L. Swaffeld, M. Teesson [16]

Этап исследования	Не употребляющие			Употребляющие эпизодически			Пьющие		
	MD	AE	PSE	MD	AE	PSE	MD	AE	PSE
Исходно	4,1	4,8	5,2	16,1	10,8	3,6	5,9	7,0	4,9
6 месяцев	4,3	5,1	5,1	14,8	9,0	3,8	8,1	7,6	4,5
12 месяцев	4,0	5,6	4,8	13,4	11,6	4,1	7,8	8,3	4,6
18 месяцев	4,3	5,7	5,1	16,2	11,2	4,2	9,9	8,8	4,7

шили факторы риска курения марихуаны и алкоголизации. Оказалось, что «стратегии SEs» (отказа от алкоголя и наркотика) действительно разнонаправленны. Кроме того, в зависимости от низкого или высокого уровня RE у каждого учащегося он в ситуации риска вовлечения соответственно больше или меньше уверен в эффективности собственных ресурсов SE. Авторы предлагают включить обучение наркоспецифичным и алкоголь-специфичным стратегиям SE и комплексу поведенческих стратегий отказа REAL в структуру профилактической образовательной деятельности. Подчеркивается, что учащиеся должны быть уверены, что стратегии работают в равной мере эффективно в ситуациях наркотической и/или алкогольной агрессии. В то же время авторы полагают, что обучение навыкам отказа — только часть образовательных антинаркотических стратегий.

Резюмируя приведенный материал, можно сказать, что он подтверждает

приоритетность профилактической психологической работы с каждым учащимся. Это означает, что школьные психологи должны владеть инструментами ранней диагностики аддиктивности, лонгитюдного мониторинга, знать факторы риска вовлечения в химическую зависимость и владеть навыками комплексной профилактики применительно к разным возрастным группам детей, подростков и молодежи. Это означает также необходимость обучения школьных психологов на курсах переподготовки с последующим сертифицированием. Стратегии индивидуальной профилактики совершенствуются настолько стремительно, что от педагогов, психологов, социальных работников требуется постоянная осведомленность о достижениях в этой сфере. Наиболее перспективным направлением индивидуальной профилактической работы сегодня представляется оздоровление духовной сферы посредством работы с привязанностью, психологические стратегии.

ЛИТЕРАТУРА

1. An evaluation of the BASICS alcohol risk reduction model among predominantly Hispanic college students / *Tomaka J., Palacios R., Morales-Monks S., Thompson Davis Sh.E.* // *Substance Use & Misuse*. 2012. Vol. 47. P. 1260—1270.
2. Constructing a self: the role of self-structure and self-certainty in social anxiety / *Stopa L., Brown M.A., Luke M.A., Hirsch C.R.* // *Behaviour Research and Therapy*. 2010. Vol. 48, Iss. 10. P. 955—965.
3. Diffusion Theory and Knowledge Dissemination, Utilization, and Integration in Public Health / *Lawrence W. Green, Judith M. Ottoson, Cesar Garc'ia, Robert A. Hiatt* // *Annu. Rev. Public Health*, 2009. Vol. 30, pp. 151—174.
4. *Faigin C.A., Pargament K.I., Abu-Raiyac H.* Spiritual struggles as a possible risk factor for addictive behaviors: an initial empirical investigation // *International Journal for the Psychology of Religion*. 2014. Vol. 24, Iss. 3. P. 201—214. Available at: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10508619.2013.837661> (дата обращения 28.06.2014).
5. Guide to US Department of Education Programs [Electronic resource]. Washington, 2012. 300 p. Available at: <http://www2.ed.gov/programs/gtep/gtep.pdf> (дата обращения 28.06.2014).

6. Hye Jeong Choi, Janice L. Krieger, Michael L. Hecht. Reconceptualizing efficacy in substance use prevention research: refusal response efficacy and drug resistance self-efficacy in adolescent substance use // *Health Communication*. 2013. Vol. 28, Iss.1. P. 40—52.
7. King U. The spiritual potential of childhood: awakening to the fullness of life // *International Journal of Children's Spirituality*. 2013. Vol. 18, no. 1. P. 4—17.
8. Merrill Jennifer E., Read Jennifer P., Barnett Nancy P. The way one thinks affects the way one drinks: Subjective evaluations of alcohol consequences predict subsequent change in drinking behavior // *Psychology of Addictive Behaviors*. 2013. Vol. 27. P. 42—51.
9. Moldovan S. Addictions as passions. Ancient wisdom for modern issues // *Journal of Modern Foreign Psychology*. 2014. no. 1. P. 125—158.
10. Moral disengagement among serious juvenile offenders: a longitudinal study of the relations between morally disengaged attitudes and offending / Shulman E.P., Cauffman E., Piquero A.R., Fagan J. // *Developmental Psychology*. 2011. Vol. 47, Iss. 6. P. 1619—1632.
11. Newton N.C., Havard A., Teesson M. The association between moral disengagement, psychological distress, resistive self-regulatory efficacy and alcohol and cannabis use among adolescents in Sydney, Australia // *Addiction Research and Theory*. 2012. Vol. 20, no. 3. P. 261—269.
12. Pargament K.I. Spirituality as an Irreducible Human Motivation and Process // *International Journal for the Psychology of Religion*. 2013. Vol. 23, Iss. 4. P. 271—281.
13. Passini S. The delinquency-drug relationship: the influence of social reputation and moral disengagement // *Addictive Behaviors*. 2012. Vol. 37, Iss.4. P. 577—579.
14. Prevalence of marijuana use at college entry and risk factors for initiation during freshman year / Suerken C.K., Reboussin B.A., Suffin E.L., Wagoner K.G., Spangler J., Wolfson J. // *Addictive Behaviors*. 2014. Vol. 39, Iss.1. P. 302—307.
15. Religious/Spiritual Well-Being, Coping Styles and Personality Dimensions in People With Substance Use Disorders / Unterrainer H.-F., Lewis A., Collicutt J., Fink A. // *The International Journal for the Psychology of Religion*. 2013. Vol.23, no. 3. P. 204—213.
16. Risky cognitions associated with adolescent alcohol misuse: moral disengagement, alcohol expectancies and perceived self-regulatory efficacy / Newton N.C., Barrett E.L., Swaffield L., Teesson M. // *Addictive Behaviors*. 2014. Vol. 39, Iss.1. P. 165—172.
17. Self-regulation and adaptation during and after college: a one-year prospective study / Koestner R., Taylor G., Losier G.F., Fichman L. // *Personality and Individual Differences*. 2010. Vol.49, Iss.8. P. 869—873.
18. Shariff A.F., Norenzayan A. Mean Gods Make Good People: Different Views of God Predict Cheating Behavior // *International Journal for the Psychology of Religion*. 2011. Vol. 21, Iss.2. P. 85—96.
19. White Sarah C. Analysing wellbeing: a framework for development practice // *Development in Practice*. 2010. Vol. 20, no. 2. P. 158—172.
20. Wortmann J.H., Park C.L., Edmondson D. Spiritual Struggle and Adjustment to Loss in College Students: moderation by Denomination // *International Journal for the Psychology of Religion*. 2012. Vol. 22, Iss. 4. P. 303—320.

Individual resources for the pupil's addictive behavior prevention

N. Florova

*Senior Researcher in the laboratory of Medical and psychological rehabilitation,
Moscow State University of Psychology and Education
ninaflorova@yandex.ru*

The expanding knowledge about psychology of addictive adolescents allows to develop innovative strategies and to set new accents in prevention activity among students. Now it is reinforcing the trend of individual preventive work, which is differentiated for ages and stages of the educational process. Such work is most relevant to group of risk for involvement — namely, for students, changing living environment, — who are at the first semester of college. Here is an overview of science concepts of individual preventive engagement, primarily in alcoholism, based on recovery of the spiritual realm, psychological well-being, spiritual potential of any age. On the example of concepts about cognitive behavioral strategies and risks of failure it is shown their potential effectiveness for the monitoring of chemical dependence among adolescents.

Keywords: addictive behaviors, preventive strategies, mental health, individual risks, cognitive sphere, refuse, involvement.

REFERENCES

1. An evaluation of the BASICS alcohol risk reduction model among predominantly Hispanic college students. Tomaka J., Palacios R., Morales-Monks S., Thompson Davis Sh.E. *Substance Use & Misuse*, 2012. Vol. 47, pp. 1260—1270.
2. Constructing a self: the role of self-structure and self-certainty in social anxiety. Stopa L., Brown M.A., Luke M.A., Hirsch C.R. *Behaviour Research and Therapy*, 2010. Vol. 48, Iss. 10, pp. 955—965.
3. Diffusion Theory and Knowledge Dissemination, Utilization, and Integration in Public Health. Lawrence W. Green, Judith M. Ottoson, C'esar Garc'ia, Robert A. Hiatt. *Annu. Rev. Public Health*, 2009. Vol. 30, pp. 151—174.
4. Faigin C.A., Pargament K.I., Abu-Raiyac H. Spiritual struggles as a possible risk factor for addictive behaviors: an initial empirical investigation [Electronic resource]. *International Journal for the Psychology of Religion*, 2014. Vol. 24, Iss. 3, pp. 201—214. Available at: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10508619.2013.837661> (Accessed: 28.06.2014).
5. Guide to US Department of Education Programs [Electronic resource]. Washington, 2012. 300 p. Available at: <http://www2.ed.gov/programs/gtep/gtep.pdf> (Accessed: 28.06.2014).
6. Hye Jeong Choi, Janice L. Krieger, Michael L. Hecht. Reconceptualizing efficacy in substance use prevention research: refusal response efficacy and drug resistance self-efficacy in adolescent substance use. *Health Communication*, 2013. Vol. 28, Iss. 1, pp. 40—52.

7. King U. The spiritual potential of childhood: Awakening to the fullness of life. *International Journal of Children's Spirituality*, 2013. Vol. 18, no. 1, pp. 4—17.
8. Merrill Jennifer E., Read Jennifer P., Barnett Nancy P. The way one thinks affects the way one drinks: subjective evaluations of alcohol consequences predict subsequent change in drinking behavior. *Psychology of Addictive Behaviors*, 2013. Vol. 27, pp. 42—51.
9. Moldovan S. Addictions as passions. Ancient wisdom for modern issues. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2014. no. 1, pp. 125—158.
10. Moral disengagement among serious juvenile offenders: a longitudinal study of the relations between morally disengaged attitudes and offending. Shulman E.P., Cauffman E., Piquero A.R., Fagan J. *Developmental Psychology*, 2011. Vol.47, Iss. 6, pp. 1619—1632.
11. Newton N.C., Havard A., Teesson M. The association between moral disengagement, psychological distress, resistive self-regulatory efficacy and alcohol and cannabis use among adolescents in Sydney, Australia. *Addiction Research and Theory*, 2012. Vol. 20, no. 3, pp. 261—269.
12. Pargament K.I. Spirituality as an Irreducible Human Motivation and Process. *International Journal for the Psychology of Religion*, 2013. Vol. 23, Iss. 4, pp. 271—281.
13. Passini S. The delinquency-drug relationship: the influence of social reputation and moral disengagement. *Addictive Behaviors*, 2012. Vol. 37, Iss. 4, pp. 577—579.
14. Prevalence of marijuana use at college entry and risk factors for initiation during freshman year. Suerken C.K., Reboussin B.A., Sutfin E.L., Wagoner K.G., Spangler J., Wolfson J. *Addictive Behaviors*, 2014. Vol. 39, Iss.1, pp. 302—307.
15. Religious/Spiritual Well-Being, Coping Styles and Personality Dimensions in People With Substance Use Disorders. Unterrainer H.-F., Lewis A., Collicutt J., Fink A. *The International Journal for the Psychology of Religion*, 2013. Vol. 23, no. 3, pp. 204—213.
16. Risky cognitions associated with adolescent alcohol misuse: moral disengagement, alcohol expectancies and perceived self-regulatory efficacy. Newton N.C., Barrett E.L., Swaffield L., Teesson M. *Addictive Behaviors*, 2014. Vol. 39, Iss.1, pp. 165—172.
17. Self-regulation and adaptation during and after college: a one-year prospective study. Koestner R., Taylor G., Losier G.F., Fichman L. *Personality and Individual Differences*, 2010. Vol.49, Iss. 8, pp. 869—873.
18. Shariff A.F., Norenzayan A. Mean Gods Make Good People: different views of God predict cheating behavior. *International Journal for the Psychology of Religion*, 2011. Vol. 21, Iss. 2, pp. 85—96.
19. White Sarah C. Analysing wellbeing: a framework for development practice. *Development in Practice*, 2010. Vol. 20, no. 2, pp. 158—172.
20. Wortmann J.H., Park C.L., Edmondson D. Spiritual Struggle and Adjustment to Loss in College Students: moderation by Denomination. *International Journal for the Psychology of Religion*, 2012. Vol. 22, Iss. 4, pp. 303—320.